

**Письмо Е.А.Ган к Наталье П.
от 10 января 1839 года**

10го Генваря [1839 г.].
[Село Каменское, Екатеринославская губерния].

Ты не можешь вообразить, мой друг, как обрадовало меня твое письмо, я давно так не радовалась, я думала, что воспоминание обо мне вышло из твоей памяти, и это было мне очень горько; без преувеличения, мало особ в мире, которых я люблю столько, как тебя; мы встретились в первый раз в те счастливые годы, когда душа моя еще способна была принимать новые впечатленья и глубоко сохранять их, когда, едва расставшись с детством, я росла, как дикое деревцо, на свободе, беззаботная, как птичка поднебесная, ничем не привязанная к миру внешнему; я сосредотачивала всю силу, весь жар моих чувств в моей внутренней задушевной жизни; тогда мы сошлись, полюбили друг друга, и хотя годы и обстоятельства много изменили нас в течение 10 лет, но дружба наша вышла невредимою из-под этого всесокрушительного жернова! Твое письмо напомнило мне счастливое былое, когда мы карабкались на утес к высокой башне, – я описала это волшебное место в Джеллаледине¹. – Да, я верю твоей привязанности, потому что мои собственные чувства ручаются за их прочность, потому что мне нужно верить, мое упование отраднo! Знаешь ли, хоть я имею много родных и друзей-самозванцев, я с тобою только могу думать *вслух*, несмотря на чрезвычайное различие наших характеров; ты поняла, проникла меня от детских лет, следила за развитием моих мыслей, знаешь все обстоятельства моей жизни и потому объясняешь себе очень просто то, что другие видят во мне загадочного или предосудительного! Боже мой! я так давно не говорила с тобой, голова моя горит от мыслей, грудь полна, – но как вверить бумаге то, что переливается только в задушевных разговорах из души в душу? Я должна молчать! Да, Наташа, затяни покрепче нашу связь, и в моей доле мелькнуло нечто похожее на твою; между мною и моими родными, за которых я рада бы душу отдать, вкралась холодность, убийственная для меня! Иногда я раскаиваюсь, зачем ездила нынешним летом на Кавказ – потому что там зародилось семя этого зла, – но нет, не раскаиваюсь! Не спрашивай меня, что посеяло эту холодность, ты знаешь несчастный характер маменьки² и непреклонную жесткость сестры³, – *au reste je ne leur impute pas tout le poids de ce malheur, il y avait beaucoup de ma faute là dedans, mais je ne pouvais faire autrement.*⁴ Я верю, что в жизни всякого есть роковая пора, когда судьба прочитывает решительный приговор всей остальной его жизни; это 14^й день горячки, свое домашнее Ватерлоо⁵. Эта пора настала для меня нынешним летом и оставила по себе отдельную полосу в моем существовании. *Je n'ose me plaindre ni des reproches de ma mère ni de la froideur de ma sœur, son caractère est noble et bon, elle vaut mieux que moi, je le sais et je dévore mon chagrin en silence, – à quoi servirait me justifier? On peut tout réparer, mais les petites froideurs, les rancunes cachées, germent et ne se laissent déraciner par aucune force humaine*⁶. Ты знаешь, что прежде, утомленная моим существованием, неприязненностью окружающих меня особ и леденистой

Публикуется по: РГАЛИ, ф. 359, оп. 2, ед. хр. 31.

Первая публикация: *Гершензон М.О.* Русская женщина 30-х годов // Русская мысль, 1911, №12.

Подготовка текста и комментарии А.Д.Тюрикова.

Перевод с французского Е.А.Бобровой.

Ган Елена Андреевна (1814–1842) – писательница, мать Е.П.Блаватской.

¹ «Джеллаледин» (Библиотека для чтения, 1838, т. 30) – повесть Е.А.Ган.

² Фадеева Елена Павловна (1788–1860) – ученый-естествоиспытатель, мать Е.А.Ган, бабушка Е.П.Блаватской.

³ Витте Екатерине Андреевне (1819–1898) – сестра Е.А.Ган.

⁴ впрочем, я не обвиняю их всецело в этом несчастье, – много виновата здесь я сама, но я не могла поступать иначе (*фр.*, перевод по: *Гершензон М.О.* Русская женщина 30-х годов // Русская мысль, 1911, №12).

⁵ Битва при Ватерлоо (18 июня 1815 г.) – последнее крупное сражение эпохи наполеоновских войн, обозначившее конец притязаний Наполеона Бонапарта на европейское господство.

⁶ Я не смею роптать ни на упреки моей матери, ни на холодность сестры; у нее благородный и добрый характер, она лучше меня, я это знаю и молча несу мою печаль. Что пользы оправдываться? Все можно исправить, но мелочная холодность, скрытое неудовольствие дают ростки и не могут быть искоренены никакой человеческой силой (*фр.*, перевод по: *Гершензон М.О.* Русская женщина 30-х годов // Русская мысль, 1911, №12).

сферой моего быта, я летела к *ним*, отогревалась у *них*, – теперь и там погасла для меня искра приязни; что связь родства без связи душ? Это долг, цепи, – и так, я в полном смысле теперь бесприютная; завидую тебе, как ты мало заботиш[ь]ся о своих родных, мое сиротство гнетет меня невыразимо, не знаю, свыкнушь ли с ним когда! Но довольно об этом. И так, ты поселилась в Петербурге и избрала одинокое существование – жестокая, ты отвергла всех своих обожателей! *Peut être avez us raison*⁷; супружество – такая опасная лотерея, что на одного выигрывающего верно 99 проигрывают: совершенное сиротство имеет свои прелести, ни за кого не страшишься, ничем не дорожишь, живешь на свете как путник, которому стоит взять посох и готов в путь, ни с кем не прощаясь. Ты все еще в энтузиазме перед архистратигом нашей литературы С[енковским]⁸ и часто у него бываешь? Берегись, влюбишься и выйдет роман, *vous qui tenez tant à votre pucelage*⁹, – берегись! Что ты бредишь об моем «*утонченном и слишком изысканном благородстве*». Эта фраза в письме твоём мне очень не понравилась; неужели ты поступила бы иначе на моем месте? Правда, что я была *им*¹⁰ очарована в начале нашего знакомства, ты знаешь, как я провела первые 8 месяцев в Петербурге; *tout voir et ne rien avoir*¹¹ было моим девизом! В 20 лет я была затеряна на дне этого океана, до меня доходил только гул от удовольствий света, только афишки от театров да одни вывески роскоши! Вчуже я любовалась великолепным солнцем, освещавшим своих избранных, но не пользовалась его теплотой; даже мои *très chères cousines*¹² обходились со мною с обидной благосклонностью, я удалилась от них и зарылась, постоянно одинокая, в моей далекой, холодной квартире, только *Jean*¹³ да ты порою оживляли меня своим присутствием. И вдруг С[енковский] заметил меня, ввел в свой дом, окружил вниманием, дружеством, изыскивал все, что могло доставить мне удовольствие, ободрил, возвысил меня в моих собственных глазах, даже жене своей¹⁴ внушил особенную дружбу ко мне; тогда и кухни мои переменились, обратились ко мне с ласками, будто я по мановению жезла обратилась из лягушки в райскую птицу, но эти ласки возмущали гордость мою более, нежели их прежняя холодность, *ça tenait de la lâcheté*¹⁵! Помнишь ли, как по возвращении из *Отелло*¹⁶, когда после театра ты ночевала у нас, я переводила всю ночь напролет для *библиотеки*¹⁷, чтоб дать 200 р[ублей] взаймы моей надменной и мотающей кухне¹⁸, которая теперь до того подружилась со мною, что даже брала у меня деньги, – я лишала себя сна¹⁹, находя невыразимое удовольствие обязывать ту, у которой в самые черные дни мои я не просила даже ласкового слова! (Н.В. деньги она не возвратила мне до сих пор). Все это не могло не вскружить моей бедной головы; привыкшая только к дыму артил[лерийских] трубок, я не могла не опьянеть от курений фимиама; С[енковский] столько прославлял мой ум и талант, что я возмечтала о себе как об кандидате в гении, мечтала о славе, о приобретении состояния, об

⁷ Может быть ты и права (*фр.*, перевод по: Гершензон М.О. Русская женщина 30-х годов // Русская мысль, 1911, №12).

⁸ Сенковский Осип Иванович (1800–1858) – востоковед, писатель, редактор журнала «Библиотека для чтения», в котором печатались произведения Е.А.Ган.

⁹ вы, кто так дорожит своим девичеством (*фр.*).

¹⁰ Речь идет об О.И.Сенковском.

¹¹ видеть всё и не иметь ничего (*фр.*).

¹² очень дорогие кухни (*фр.*).

Речь идет о двоюродных сестрах Е.А.Ган – Екатерине и Елене Сушковых.

Сушкова Екатерина Александровна (1812–1868) – мемуаристка, жена дипломата А.В.Хвостова (1809–1861).

Сушкова Елизавета Александровна (1815–1883) – жена Е.Л.Ладьженского (1802 – не ранее 1859), псковского помещика, поручика, предводителя дворянства.

¹³ *Жан* (*фр.*) – французское мужское имя, соответствует русскому Иван.

Речь идет об Иване Алексеевиче Гане, брате П.А.Гана, в 1836 г. поручике лейб-гвардии кирасирского полка, в 1858 г. председателе Саратовской казенной палаты.

Ган Петр Алексеевич (1798–1873) – муж Е.А.Ган, офицер конной кавалерии, полковник в отставке (с 1845 г.), управляющий Каменец-Подольской земской конюшней (1846–1848), Гродненский губернский почтмейстер (1851–1858), отец Е.П.Блаватской.

¹⁴ Сенковская Аделаида Александровна (1806–1853) – писательница, жена О.И.Сенковского.

¹⁵ в этом чувствовалось малодушие (*фр.*).

¹⁶ Речь идет об опере «Отелло» итальянского композитора Дж. Верди (1813–1901).

¹⁷ Речь идет о журнале «Библиотека для чтения».

¹⁸ Речь идет о Екатерине Сушковой.

¹⁹ Далее зачеркнуто: *чтоб*.

освобождении от копеечных расчетов, – эти смешные мечты можно извинить тем только, в каком унижении провела я 4 года до того под спудом армейских суждений и *осуждений*. Да, я была упоена, но не ослеплена, и прозрев сквозь туман, заметив под плащом дружбы и покровительства черные замыслы, – удалилась! В чем же ты нашла *утонченное благородство*? Наташа, не жели я должна была, изменяя долгу и слепому доверию его жены, продать душу и совесть, – и за что? Господи! за несколько лишних красных дней в жизни! Нет, я верю, хочу верить, что и ты, и всякая сделала бы то же. Конечно, он требовал от меня какой-то восторженной дружбы, подделываясь под мой характер, бредил идеализмом и платонизмом, но подобная дружба – волосок, протянутый через реку Магометова ада; я не могла ввериться ему. К тому ж, ты знаешь, что от ранних пор я считаю чувства дружбы, как и любви, *святостью*; могла ж ли я лицемерить из корысти – фуй: гадко! Этим я осквернила бы высокие чувства, унизила бы себя в своих собственных глазах, – а я хочу, я должна уважать себя. Если б я могла следовать собственному внушению в ту минуту, я бросила бы перо в печь, но *другие* не допускают меня до того; я, видишь ли, почва, которую хоть и попирали прежде ногами, но честят с тех пор, как открыли в ней золотую руду. Я пишу потому, что это облегчает мою душу; говоря языком моей героини, я могу высказывать все, что гнетет меня, могу изливать чувства, а подчас и слезы на бумагу, – и с рукописью пусть делают, что хотят, жгут, продают. Ради Бога, не говори мне хоть *ты* об моих литерат[урных] занятиях, если бы ты знала, как противно мне мое название *femme-auteur*²⁰, сколько клевет и неприятностей навлекает оно мне; никто не хочет понять, что я с пером в руках и я в моем быту домашнем – совершенно двойственное существо. Одну выгоду дает мне это противное название, что добрые люди *все* причитывают авторской оригинальности; нап[ример], на Кавказе я на пяти балах была в черном платье, и все причли авт[орской] оригинальности, и небось, никто и не подумал, что у меня нет бальных платьев; в прошедшем году мне так стало скучно на одном бале, что я заснула в уборной, – и это причли авторству, и *благо*.

Я только третьего дня возвратилась из Харькова, Петр Ал[ексеевич] ездил покупать лошадей и возил меня к докторам, вообразили лечить меня, что мне помогут доктора? *Je m'en moque*²¹! Пройдет и так, у меня такая кошачья жизнь, что я, как Кашей бессмертный, в воде не тону и в огне не горю. Только оторвали меня от деток²², я чуть с ума не сошла от тоски за ними, сидя в грязном трактире. Была также у моей свекрови²³ в Чугуеве, там меня облобызали, – а давно ли клеветали»? Я холодно приняла Юдин²⁴ поцелуй. Туда же, после 11-летнего отсутствия, приехал сын ее, Васильчиков²⁵, смешил меня нежностями и даже конфузил поцелуями, – я, признаюсь, почти не зная его, не могу похвалиться родственной любовью. Он прекрасной наружности и, кажется, добрый мальчик, жаль, что в голове пустовато; но – *es schadet nichts*²⁶, ведь он богат! Видишь ли ты когда моего другого *beau-frère*²⁷, Jean? Что за ангельская душа этот человек, как он заботится доставлять мне удовольствие; завтра, 11го Ген[варя], мое рождение, и вот сегодня я получила от него великолепное издание всех Итал[янских] поэтов, его вниманье и этот подарок несказанно обрадовали меня. Ты просишь говорить об моем положении – моя участь не из тех, которые изменяются; она, если выразиться метафорой, постоянно серинького цвету, без радости, благодаря Бога, без большого горя, пока живы все милые сердцу; однообразна, уединенна; эпохой у нас бывает получение письма или болезнь строевой лошади. Для многих это было бы скучно, для меня только грустно, тоскливо, и то изредка; все дни мои разделены, дважды в неделю

²⁰ писательницы (*фр.*).

²¹ Меня это не волнует (*фр.*).

²² Речь идет о дочерях Е.А.Ган, Елене и Вере.

Блаватская Елена Петровна (1831–1891) – философ, мыслитель, писатель, путешественник, общественный деятель, создатель и руководитель Международного Геософского общества.

Желиховская Вера Петровна (1835–1896) – писательница и драматург.

²³ Васильчикова Елизавета Максимовна (урожд. Пребстинг; по первому браку Ган) – мать П.А.Гана, во втором браке жена Николая Васильевича Васильчикова (1781–1849), генерал-майора, действительного статского советника, губернатора Орловской губернии (1837–1841).

²⁴ Иудин.

²⁵ Васильчиков Николай Николаевич (1816–1843).

²⁶ это не мешает (*нем.*).

²⁷ зятя (*фр.*).

занимаюсь Итальянским, 2 французским, а три немецким, хочу к весне усовершенствоваться в нем, если поеду в мае в Одессу, то по выздоровлении хочу взять хоть начальные уроки Английского языка, дальше пойду сама, хоть говорить, конечно, никогда не буду, но я учусь для литературы. По вечерам я учу Лолошу²⁸ музыке, потом болтаем, а когда все улягутся, тогда я оправляюсь на несколько часов в кабинет *думать*, – это мой отдых, мой праздник. Говорят, будто нас переведут в Орловскую губ[ернию], мне надоели только степи здешние, а впрочем места не изменят моего быта, где б мы ни были, я решительно не стану знакомиться ни с кем; помещики нижнего разряда не по мне, *высшего* смотрят свысока, не мне с ними тягаться, а я слишком горда, чтоб кланяться золотому кафтану. – Сей час, перечитав твоё шестилистное письмо, нашла мысль, на которую намерена возражать; ты держишься *l'émancipation de femmes*²⁹, желала бы *à la saint Simon*³⁰, чтобы женщины достигли до равенства с мужчинами, – и гонишь последних за утеснения нашему полу? Ты не права! Я также женщина, много терплю от условий, которыми опутали наш пол, но никогда не соглашусь в мнении, будто женщина поставлена природой на равной высоте с мужчиной. Наши души слабее, как и тела, умы мелочнее, и самое предназначение наше слишком ясно указано природой. Я полагаю, что при составлении всех систем и мнений должно оглядываться на прошедшие века; *былое* – это старик-златоуст, который лучше всех пророков может³¹ предсказать будущее, потому что человечество не изменяется. Образованность народов возвышается и упадает, дух наций, под влиянием религий и политических отношений, напрягается или ослабевает, но человек всегда остается человеком; люди – атомы; составляя из них мозаик[и], можно придать целому грубейшие или нежнейшие оттенки, но сущность или материя атома не изменяется; и потому стоит взглянуть на прошедшее и спросить: отчего ни в одном веке мы не видели женщин Сократов³², Ликургов³³, Конфуциев³⁴, женщин Рафаэлей³⁵, Ми[кель] Анджелов³⁶, женщин Дантэ³⁷, Шекспиров³⁸, Шиллеров³⁹, ни даже женщин Бетховенов⁴⁰ либо Веберов⁴¹? Не доказывает ли это нашу ничтожность во всех отношениях? Ты возразишь, что различие в воспитании мужчины и женщины имеет влияние на всю жизнь их, – но разве истинный гений требует воспитания, чтобы проявиться, – я не говорю развиваться и усовершенствоваться, – разве не видели мы гениев, которые, побеждая незначительность рождения и средств, без всякого постороннего содействия открывают себе пути к славе? Конечно, положение, свобода мужчины в свете много способствуют его возвышению, – но никогда не соглашусь, будто условия, гнетущие наш пол в продолжение стольких тысячелетий, убивали всех гениев в зародыше. Предназначение женщины прекрасно, благородно, если не искажают его в начале. Быть домашним пенатом⁴², ангелом-хранителем и утешителем мужчины, готовить ему отраду и успокоение под родной кровлею после шумного поприща его, быть матерью его детей, в сыновьях развивать силу и крепость духа, благородство понятий, дочерей готовить быть достойными подругами и матерями – женщина, исполнившая это предназначение, разве не достойна фимиамов? Не оставляет ли она по себе славу не столь громкую, невидную, но не менее полезную, как мужчина с самой высокой

²⁸ Детское имя Е.П.Блаватской.

²⁹ эмансипации женщин (*фр.*).

³⁰ как Сен-Симон (*фр.*).

Сен-Симон Анри (1760–1825) – французский философ, известный социальный реформатор, основатель школы утопического социализма.

³¹ Далее зачеркнуто: *предсказать буд.*

³² Сократ (470(469)–399 до н.э.) – древнегреческий мыслитель и философ.

³³ Ликург – древнеспартанский законодатель, которому древние писатели единогласно приписывают политическое устройство, господствовавшее в Спарте в течение нескольких веков.

³⁴ Конфуций (ок. 551–479 до н.э.) – древнекитайский мыслитель и философ.

³⁵ Рафаэль Санти (1483–1520) – итальянский живописец, график и архитектор.

³⁶ Микеланджело Буонарроти (1475–1564) – итальянский скульптор, художник, архитектор, поэт, мыслитель.

³⁷ Данте Алигьери (1265–1321) – итальянский поэт и мыслитель.

³⁸ Шекспир Уильям (1564–1616) – английский поэт и драматург.

³⁹ Шиллер Иоганн (1759–1805) – немецкий поэт, философ, теоретик искусства и драматург.

⁴⁰ Бетховен Людвиг (1770–1827) – немецкий композитор и пианист.

⁴¹ Вебер Карл (1786–1826) – немецкий композитор, дирижер, пианист, музыкальный писатель, основоположник немецкой романтической оперы.

⁴² Пенаты – в древнеримской мифологии боги-хранители и покровители домашнего очага.

головой? Но для этого не должно отнимать у нее единственного блага, одной награды – свободы при избрании того, кому приносит она в дар всю жизнь свою. Она может *многое*, если чувства ее согласны с долгом, но *ничего* поневоле. Мысль, что единственное счастье, возможное для женщины, никогда не будет ее уделом; что она должна идти по пути жизни не дружно, не рука об руку с другом, которому отдала душу, веру, все бытие свое, а с человеком, овладевшим только телом ее, обладающим ею по прихоти родственников или по детской слабости ее, которую люди умели воспользоваться, чтобы связать дитя в пеленах узами нерасторгаемыми, – *эта мысль* убивает в ней всю энергию и делает из нее слабое, жалкое создание, которое, чувствуя себя столкнутым с прямого пути, бросается ко всякой светлой точке, пытаясь найти утешение или хоть минутное забвение; но не находя ничего в целой вселенной, утомленное, часто бессмысленное, оканчивает бесполезный век, отдавая его как капитал, который напрасно был вверен ей в пустыне света, где нужны ей были не золото, а кусок хлеба, капля животворной воды! – Что жизнь без этого, что составляет основание, красу и венец жизни?.. Не могу не выписать при этом замечания К...⁴³, моего Кавказского знакомого,⁴⁴ поразившего меня в его письме: «Сердце обливается кровию, взирая на подобные партии; они напоминают мне Сибирские дороги, по которым тянутся вереницы несчастных, рука об руку скованных и на один канат нанизанных!» – Как это справедливо! – В Чугуеве я несколько раз едва могла удержать слезы умиления и вместе жгучей грусти при виде влюбленных ласок Анюты с мужем после 16^{летнего} супружества. Благословенная доля!

Сейчас получила письма от Маменьки и Кати, обе гневаются, что С[енковский] выбросил лучшие места из моего Джел[лаледина], и советуют мне обратиться к Полевому⁴⁵. Я сама желала бы развязаться с С[енковским], но я дала ему слово отдавать не иначе, как в его журнал, свои труды, – как же изменить слову? К тому ж, как ни черны его расчеты и поступки, я не могу забыть, что он указал мне этот путь, его вероломство не дает мне *права играть* словом и благодарностью. Пусть его коверкает, лишь бы не вставлял грязностей, которые падают на мое перо. Бог мой! сколько я исписала, а все еще хочется говорить с тобой. Слышала ль ты в Петерб[урге], здесь все поговаривают об кампании, и мой муж строит планы, чтоб на это время я ехала в Петербург, – *одна*, понимаешь ли ты это? Он, который знает *все*? Я решительно отказываюсь; могу остаться и в Каменском⁴⁶, благо собственная хатка есть; или поеду в мою вторую родину, в наш блаженный Крым, в Судак, – что, завидно? Буду скакать верхом, лазать по утесам, опять отыщу ту тропинку, на которой, помнишь, маменька, увидев меня, обмерла от ужаса, – но все это предположенья. Оставляю куда письмо, спешу отвечать с посланным в город, а там опять к тебе. – Ты спрашиваешь меня об детях, – обе здоровы, Лоло учится, я очень довольна гувернанткой, это престранное существо, обожает меня, просто влюблена в меня и даже ревнует к *Наташе* П. À proros⁴⁷, если захочешь писать что мне втайне, адресуй на мое имя для доставления Антонии Христия[новне] *Кюлевейн*⁴⁸. Тогда письмо будет свято и нетронуто. Оставляю письмо. Готовь терпение, мне еще надобно сообщить тебе кое-что.

---

⁴³ Кривцов Сергей Иванович (1802–1864) – декабрист; приговорен в каторжную работу на четыре года с последующим поселением в Сибири; в 1831 г. переведен рядовым на Кавказ, где летом 1837 г. познакомился с Е.А.Ган. Сохранились письма Е.А.Ган к С.И.Кривцову (см.: *Гершензон М.О. Русская женщина 30-х годов // Русская мысль*, 1911, №12).

⁴⁴ Далее зачеркнуто: *поразившего*.

⁴⁵ Полевой Николай Алексеевич (1796–1846) – писатель, журналист, драматург, литературный и театральный критик, историк, редактор журнала «Сын Отечества» (1838–1840).

⁴⁶ «...Я назначен Командиром 6ой Конно Артиллери[й]ской батареи, которая квартирует в Екатеринославском уезде в с. Каменском...» (Письма П.А.Гана к Г.В.Нечаеву (1836–1837) // <http://art-roerich.org.ua/?q=blavatskaya/articles.html>).

⁴⁷ Кстати (*фр.*).

⁴⁸ «...Судьба несколько сжалилась над нравственным одиночеством моей матери, послав ей преданную до самозабвения добрую душу в лице молодой девушки, вступившей в дом наш просто воспитательницей, но скоро обратившуюся в лучшего друга и деятельную помощницу его хозяйки. То была уроженка Курляндии, безродная сирота Антония Христиановна *Кюлевейн*. <...>

Она помогала матери моей во всем, ухаживала за ней во время частых ее болезней, переписывала ее сочинения; а нами, детьми, овладела безапелляционно, в особенности мною, которую и учила сама, и обшивала с головы до ног вплоть до пятнадцатилетнего моего возраста, до дня своей кончины. Все воспоминания моего детства и отрочества

Ну, слава Богу, кончила все переписки родным и приятелям с необходимыми поздравлениями, – не знаю ничего глупее этих поздравлений! Поздравлять с тем, что год ближе к старости, к немочам, – добро бы прямо к смерти. Еще глупее поздравление в день рождения, это я испытала вчера: «Поздравляю с тем, что вы родились в сию прекрасную юдоль!» – Ну, а если я вовсе не радуюсь тому, что родилась? Знаешь ли, я делаю с собой странные опыты: во мне, не знаю, врожден[н]о ли, или от того, что еще ребенком я испугалась, вбежав в комнату и увидев неожиданно дедушку⁴⁹ мертвым на полу, с отвисшей головой, когда его обмывали, – только я не могла победить непреодолимого чувства страха и отвращения к мертвому телу; даже моего покойного Сашечку не могла видеть; это чувство доходит до глупости, напри[мер], мысль о смерти ни малейше не страшна мне, но мысль, что я буду лежать на столе отвратительным зеленым телом, – ужасна. Вот я и вознамерилась победить в себе это чувство, и так как мы живем за деревней, между церковью и кладбищем, то я не пропускаю ни одного покойника, чтоб не взглянуть на него, хожу в церковь, когда никого нет, и смотрю ему в лицо, – сперва я тряслась всем телом и долго после не могла ничего есть, теперь мне не так противно; но, думая об себе, я все еще лучше б желала погибнуть такой смертью, чтоб никто не видал моего тела, – в пожаре, в воде. Вижу, как ты вздуваешь губку и говоришь: *comme c'est bête*⁵⁰! Не спорю. *À propos*, о вздутье губок: я не надулась, как ты предполагала, при получении письменного поцелуя в плечо от полковника Косинского, можешь сказать ему причину, во-первых, он тебе брат, во-вторых, ему 50 лет; что ж касается до кокетства, то не только я не хвастаю своими плечами, но с тех пор как возвратилась с Кавказа (по причине одной мне известной) приделала ко всем своим платьям *des corsages montants*⁵¹, окутываюсь по горло, и мои плечи живут и будут жить в вечной темноте; таков мой непрременный приговор.

Теперь приступаю к самому важному, что мучит меня донельзя. Простишь ли ты меня, что я до сих пор не высылаю тебе моего долга? Если б ты знала, как это мучит меня, но деньги за Утбаллу⁵² проездила на Кавказ, а за Джел[лаледина] еще не высылают. Недавно получила от одной моей должницы 50 р[ублей], и с неизъяснимым удовольствием отложила должные тебе 35, но как нарочно подвернулась необходимость и все 50 как не бывали! Не думай, чтоб я промотала, *c'est impossible avec la meilleur volonté du monde*⁵³ в Каменском; но, видишь ли, мне дали знать, что бедная старушка Александра Андреевна при смерти больна, ты знаешь, что я выросла и родилась на ее руках, она всегда так любила меня; вот я поехала к ней, и вообрази, бедняжка в холодной хате, под изодранным одеяльником, мучится невыразимо, и, зная горькое положение дочери, не допускает ее послать за доктором, который от них 50 верст. Боже мой! как мне горько было ее видеть; где и как родилась, и вот как пришлось терпеть под старость. Когда дедушка⁵⁴ отнял ее 8^{ми} летнюю под Измаилом⁵⁵ у казаков, они рвали с нее дорогие украшения, по всему видно было, что она была дочь богатого Турка: потом, когда она жила у Бабушки⁵⁶ и потом у маменьки хоть не в роскоши, но и нужды не знала; а теперь не в состоянии иметь чашки чаю и ложки хорошего супу. Когда я вошла в комнату с кульком, в который сложила все, чем могла распорядиться в нашем маленьком хозяйстве, она зарыдала. – Боже мой! Как горько видеть чужие бедствия, которым мы помочь не в состоянии! Я послала за доктором, но он объявил ужасные опасения, чуть ли у нее

неразрывно связаны с этой чудесной женщиной, вся жизнь которой была одно самоотвержение! Она научила меня грамоте и приучила к самостоятельному труду; она же первая указала мне, чем мы обязаны матери, – открыла значение и цель ее постоянных трудов; а позже развила меня нравственно, вложила в сердце мое и в нем укрепила все, чем была я сильна и утешена впоследствии, в години испытаний» (*Желиховская В.П. Елена Андреевна Ган, писательница-романистка в 1835–1842 гг. // Русская старина, 1887, №3. С. 752, 754.*)

⁴⁹ Фадеев Михаил Ильич (1747–1824) – дед Е.А.Ган.

⁵⁰ как это глупо (*фр.*).

⁵¹ высокие корсажи (*фр.*).

⁵² «Утбалла» (Библиотека для чтения, 1837, т. 20) – повесть Е.А.Ган.

⁵³ это при всём желании совершенно невозможно (*фр.*).

⁵⁴ Долгоруков Павел Васильевич (1755–1837) – генерал-майор, дед. Е.А.Ган.

⁵⁵ Штурм Измаила – осада и штурм в 1790 г. турецкой крепости Измаил русскими войсками под командованием генерал-аншефа А.В.Суворова в ходе русско-турецкой войны 1787–1791 гг.

⁵⁶ Долгорукова Генриетта Адольфовна (урожд. Бандре дю Плесси, ок. 1767–1812) – жена П.В.Долгорукова, бабушка Е.А.Ган.

внутри не образуется *рак*, мучительная и, что хуже, продолжительная болезнь. – Бедная старушка! Ты простишь мне, что деньги, назначенные тебе, я обратила доктору и в аптеку? Конечно, я могла бы взять для тебя у *Петра*⁵⁷, он, верно, не отказал бы, но если б ты знала, как мучительно слово: «*дай денег*», и ожиданье, пока их отсчитывают, – это почти рак внутри! Подожди, пожалуста, ведь 35 р[ублей] ни тебя не разорят, ни меня не обогатят, как только получу за Джелл[аледина], тотчас отошлю. Завтра, если *Негг Капитан*⁵⁸ даст лошадей, хочу опять съездить к старушке, вот две недели, т.е. с тех пор как⁵⁹ поехала в Харьков, не знаю что-то с ней делается, дочь ничего не пишет, правда, что немного далеко и дорога от них к нам ужасная. – Ты удивляешься, что *Клавдия Ш.* пишет тебе, что еще ни разу не видела меня в Екатеринославе, – не мудрено, потому что я никогда там не бываю; там балы, маскарады, сплетни и с[с]оры, – а ты знаешь, я до них не охотница. Ко мне почти еженедельно присылают *приглашенья*, но я отказываюсь под предлогом то нездоровья, то дурной погоды. *Pierre*⁶⁰ недавно был на одном из этих пиров, и *Баронесса Франк*, которая теперь избрана губ[ернской] предводительницей (в лице своего супруга⁶¹), громогласно объявила *Петру*: «Чтоб моя душечка (сиречь⁶² я) непременно была у меня на бале 20го!» – А я отвечала, что непременно явлюсь в великий пост, чтоб иметь счастье побеседовать с ней в ее кабинете, а на бале ей не до меня; там все, начиная от 50^{ти} летней губернаторши до девчонок, прыгает и пляшет, что ж мне одной кавалером печального образа сидеть в углу? – Моя *Melle Antoinette*⁶³ просит меня, чтобы отослать тебе письмо к⁶⁴ ее мачихе⁶⁵, доставь, пожалуста, по адресу, только запечатай и сделай адрес. Пора кончить, прощай, мой старый дружище, *sois-moi fidèle*⁶⁶, полюбуйся за меня чудесным *Каратыгиным*⁶⁷. Театр и мороженое *Рязанова* – вот два притягательные электричества для меня в Петербурге, – а потом *ты* и брат *Jean*, довольствуйтесь и этим. Прощай, есть оказия-то – вообрази, отсылаю девять писем разом. *Капитан* сильно гневается, что выходит много⁶⁸ денег на мою переписку, – но эти письма все почти к его родным. *Adieu*⁶⁹.

---

⁵⁷ П.А.Ган.

⁵⁸ П.А.Ган.

⁵⁹ Далее зачеркнуто: *ездила*.

⁶⁰ *Петр (фр.)*.

⁶¹ Пфейлицер-Франк Федор Ермолаевич (1786–1857) – екатеринославский губернский предводитель дворянства (1838–1851), действительный статский советник.

⁶² то есть (*устар.*).

⁶³ мадемуазель *Антония (фр.)*.

⁶⁴ Далее зачеркнуто: *т.*

⁶⁵ мачехе (*устар.*).

⁶⁶ будь верна мне (*фр.*).

⁶⁷ *Каратыгин Василий Андреевич (1802–1853) – актер-трагик.*

⁶⁸ Далее зачеркнуто: *писем*.

⁶⁹ Прощай (*фр.*).